

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ТЕНЬ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

Михаил НЕСТЕРОВ

Марковцев

Михаил Нестеров
Тень летучей мыши

«ЭКСМО»

2009

Нестеров М. П.

Тень летучей мыши / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2009 — (Марковцев)

Мечь не имеет срока давности. Это отлично известно лидеру крупнейшего мафиозного клана Султану Узбеку. Когда-то он совершил главную ошибку жизни, не сумев устранить легендарного киллера Валерия Кознова по кличке Эстебан, а затем, чтобы скрыть этот промах и возглавить клан, убил собственного отца... Спустя двадцать пять лет киллер вернулся, чтобы расквитаться с Султаном. Пытаясь сыграть на опережение, Султан отчаянно ищет помощь и выходит на офицера ГРУ Сергея Марковцева по кличке Марк. Сергей крайне удивлен тем, что его бывший друг, а ныне злейший враг Эстебан все еще жив. Пора ставить точку в этой затянувшейся истории. Безжалостный суперкиллер и талантливый спецназовец ГРУ начинают свою игру, в которой ставка больше, чем жизнь...

© Нестеров М. П., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Нестеров

Тень летучей мыши

«Morete alla Francia, Italia anela»¹

Эта книга основана на реальных событиях, однако сюжет и персонажи вымышлены. Всякое сходство с действительным лицом – случайное.

Глава 1

Нукус, Каракалпакия, ноябрь 2008 года

...Султан терял терпение, глядя на двух недоносков, которые приехали сюда хозяевами – как в резервацию к индейцам. Хотя Султану это состояние было хорошо знакомо. По молодости лет ему тоже приходилось вести рискованные дела вдалеке от родины, где он был один, не считая двух-трех помощников. Он испытывал страх, но виду не подавал, решал не личные проблемы, а улаживал дела семьи. Но научился бороться со своими страхами и потому перестал замечать их.

Самое забавное заключалось в том, что посвященный понимал посвященного, видя его насквозь. Взгляд Султана легко проникал сквозь напускную браваду и видел страх на лицах его гостей.

По большому счету, ничего сверхъестественного не произошло. В жизни всякое бывает. Русские партнеры Султана перестали быть дееспособными и при этом утратили платежеспособность, а такое положение дел называлось «отказом по обязательствам». Но «младшие партнеры» говорили что-то о сорванной сделке, о тараканах в головах нового правительства – в общем, рассказывали сказку про белого бычка. Но почему подставили фирму генерала Баскакова, завязанную на многомиллионных контрактах? Ответ напрашивался сам собой: она потеряла вес в правительстве, которое испокон веков было интересно тем, что разруливало денежные потоки и раздавало квоты разного уровня, уподобившись сороке: этому дала, этому дала, а этому не дала.

– У вас не хватило сил удержаться, – высказал Султан свои мысли вслух.

– Султан, – возразил Родион Глушков, – мое дело...

– Я понял, – перебил Султан. Глушков, по неизвестной ему причине, приbedнялся. Он играл не последнюю роль в организации генерала Баскакова. Его можно было бы сравнить с ротным в батальоне. Ни о какой коске – объединении нескольких семей мафиози – речь не шла. Но общее заключалось в том, что внутри организации Баскакова самостоятельность отдельного члена была минимальна.

Ему пришлось повториться:

– Я понял, ты приехал выразить волю своего хозяина.

Глушков пожал плечами:

– Пусть так.

– Ты ничего не решаешь, ни за что не отвечаешь. Ты – говорящая голова. Что если я отошлю твою голову твоему хозяину?.. Ты не в России. Ты *далеко не в России*, – акцентировал Султан. Тебя угораздило попасть в Среднюю Азию, в самый ее центр. Ты хотел что-то сказать про свое правительство, но послушай меня – про мое.

Казалось, Султан Узбек пустился в пространный рассказ про независимость Узбекистана, о том, что ничего хорошего она не принесла простым людям. Но в его речи был глубокий подтекст, можно сказать, он готовил русских к тому, что их ожидало в самое ближайшее время, даже интонации его были вопросительными, и оттого речь в целом – немного неуверенная, чуть нескладная. Он сказал о том, что в его стране установился особенный восточный тип экономики, где роль государства является главенствующей, а нововведения проводятся лишь в интересах властей.

– По уровню коррупции Узбекистан занимает пятое место в мире, ты слышал об этом? – спросил Султан Глушкова, а потом с тем же вопросом обратился к его напарнику – Сергею Бакулеву. – Нашему предпринимателю выгодно брать деньги, пользуясь услугами теневой экономики. Дай Бог памяти... – Он потер сросшуюся переносицу. – лет шесть или семь назад все ввозимые товары облагались девяностопроцентной пошлиной, причем в инвалюте. Знаете, к

чему это привело? – спросил он и сам же дал ответ: – Вымер челночный бизнес, без работы остались десятки тысяч людей. В моей стране устоялся запах бедности. Демократия? – Султан пожал плечами в недоумении, словно впервые слышал это слово. – Демократические реформы означали бы «добровольную сдачу монопольных позиций узкого круга властвующей политической элиты». Тридцать процентов страны недоедает, средняя зарплата меньше тридцати долларов в месяц. Беспросветная нищета. Иногда я иду против правил и даю работу тем, чьи дети голодают.

Он подошел к телефону, сработанному под старину, с эбонитовым оттенком, набрал номер и, дождавшись соединения, сказал что-то на своем родном наречии. Затем вернулся к гостям.

– На тебе нет вины, – сказал он, стоя перед Глушковым и засунув руки в карманы брюк. – Но твоя беда заключается в том, что ты оказался не в том месте и в неподходящее время. Я кое-что хочу передать Баскакову.

– Я слушаю...

– Нет... – Султан призадумался. Где-то он слышал фразу: «Если не можешь один раз увидеть, придется сто раз услышать». Вряд ли она была к месту, но он привык сравнивать, сопоставлять. Баскакову не суждено услышать его ответ, но он насмотрится на него.

Султан уже не мог отказаться от своих намерений. Человек Баскакова для него был, как человек Султана для Баскакова.

– Султан, если это все...

– Все будет, когда я скажу. Как ты думаешь, – спросил Узбек без перехода, – если мне принадлежат деньги клана, то долги тоже?

– Выходит, так.

– А теперь ответь на другой вопрос: гонца, принесшего плохую весть, пристреливают, не правда ли?

– Султан...

– Я потерял выгодные зарубежные контракты, деньги, влияние, лицо – добытые с таким трудом. Я потерял время. Годы, целые десятилетия прошли впустую. Даром. Пролетели, тебе так не кажется? От них не осталось и следа. Жива только ненависть к ним и к гонцу с плохой вестью и слабой шеей. Мне плевать, какого ты ранга, какие люди за тобой стоят.

Султана переполняла ненависть. Она взяла верх над его разумом. Со стороны казалось, он успокоился, но это было обманчивое впечатление.

– Везите их на базу, – отдал он приказ.

Родион Глушков побледнел, однако взгляд его остался твердым. Он дернул плечом, стряхивая руку одного из нукеров Узбека, и предупредил последнего:

– Ты совершаешь большую ошибку, Султан.

– Что ты знаешь о моих ошибках?

Тем временем помощник Султана, богатырского телосложения узбек в строгом костюме и тяжелой золотой цепью вместо галстука, отдал короткую команду. Он же опустил ладонь на плечо Сергея Бакулева, рука которого нырнула под пиджак. Алимджан цокнул языком: был же уговор – никакого оружия. Русские дали слово и их не стали обыскивать. Он отпустил плечо Бакулева и с коротким замахом ударил его кулаком под основание затылка. В голове Бакулева помутилось, и он повалился на пол. Алимджан отошел в сторону, отдавая инициативу своим подчиненным. Одетые так же строго, с каменными лицами и в исполнительности своей походившие на членов японской якудзы, они подняли русского с пола и заломили ему руки за спину. Секунда, и его запястья стянул прочный пластиковый хомут. Бакулев сморщился от боли. Он смотрел в спину Родиона Глушкова в надежде, что тот обернется, если ему позволят, и он заручится его поддержкой. Но надежды на спасение не было. Султан Узбек перешагнул черту, оскорбив гостей, и сжег за собой все мосты. Войны между кланами было не миновать.

Их вывели, поддерживая с двух сторон, из дома через черный ход. Оказавшись на заднем дворе и увидев, что ждет его и Сергея Бакулева, Глушков нашел обезумевшими глазами Узбека:

– Побойся бога, Султан. Он видит, что ты творишь.

В деловом костюме и черных очках, Султан походил на человека, который скрывал свою тайную жизнь от членов своего клана. Мольбы Глушкова прошли мимо его ушей. Он отошел в сторону, вынул из кармана пиджака коробочку с драже, неспеша открыл и бросил в рот конфету.

Все надежды русских на спасение обрывались здесь, в этом дворе, который больше походил на задворки военной базы. С десятков противотанковых ежей ошетинились по обе стороны дороги, ведущей к въездной бетонной арке со сдвижной створкой. Пять или шесть армейских джипов «Мерседес-Бенц» (казалось, еще не остывших после длительного похода) дожидались своего часа. Но Родиона Глушкова больше всего поразил двухосный грузовик «ЗИЛ-4334» с открытым задним бортом; об него-то и разбилась последняя надежда русских. Обшарпанный деревянный пол будто занозил взгляд Глушкова и глаза его заслезились. Он видел, где-то он точно видел, как в похожий грузовик забрасывали людей со связанными руками. Пачками. Под самую завязку забивали грузовик и увозили на расстрел. Наше время. Не жуткое сталинское, репрессивное, а наше. Точно – это было в Китае. После вынесения смертного приговора приговоренных выводили в задний двор тюрьмы и бросали в кузов. И не один не посмел подать голоса. Страх на лицах. Наружу не вырвался ни один тоскливый вопль. Если бы...

Глушков облизнул пересохшие губы:

– Султан... Ты поступаешь не по-человечески.

Узбек даже не усмехнулся. Он просто констатировал покорность русского. Тот смирился с неизбежным, но средство доставки к месту казни его не устраивала. «Вот скотина», – бросил он под нос.

– Еще одно слово, – добавил Султан жестко, – и я прикажу привязать тебя к машине за руки, а твоего товарища посажу за баранку.

Он кинул в рот еще одну конфету, и она треснула под его крепкими зубами.

Алимджан подтолкнул Глушкова к грузовику. Как и в первый раз, тот дернул плечом. Он не мог допустить, чтобы его бросили в эту труповозку чужие грязные руки. Родион проделал то, что насмешило даже Узбека: расстояние до «ЗИЛа» – пять-шесть метров, и Глушков использовал его для разбега. Он прыгнул в кузов боком, и деревянный пол принял его, как если бы был смазан салом: Глушков скользил по нему, пока его не остановил передний борт. Услышал ли он шутку Алимджана («Сильно разбежался»)?..

Сергей Бакулев подошел к этому катафалку под смешки чернопиджачных узбеков и попытался самостоятельно забраться в кузов. Как и Глушков, он бросил взгляд на Султана. Тот ответил нахмуренными бровями: «Мне это скоро надоест». Этот обмен взглядами говорил о беспомощности русской пары и ничего другого не выражал. Бакулев высоко поднял правую ногу, чтобы попасть в металлическую скобу-подножку, похожую на стремя. Оттолкнувшись левой, он перенес вес тела на правую сторону. Однако толчок оказался недостаточно сильным, и Бакулев опрокинулся на спину. Извиваясь и сдирая кожу на связанных за спиной руках, он поднялся на ноги.

Узбек громко позвал Алимджана, не называя его по имени:

– Позовешь меня, когда этот цирк закончится. – Он покачал головой и на сей раз обратился к русским: – А еще офицерами называется. В машину залезть не можете.

– Ну один-то залез, – заметил Алимджан, как будто босс ослеп и не видел стремительного броска Глушкова.

Бакулев сделал все, чтобы избежать позора. Он стремительно сократил дистанцию и сходу попытался ударить его головой в живот. Алимджан ушел с линии атаки и выставил ногу,

о которую Бакулев споткнулся и упал к ногам нукеров. Два человека схватили его и поволокли к «ЗИЛу». Швырнув его, как тряпичную куклу, в кузов, они забрались сами. В кузове не было скамеек, и узбеки остались на ногах, держась за борта.

– Значит, ехать нам недалеко, – потрескавшимися губами и надтреснутым голосом заметил товарищу Глушков. Они лежали рядом, касаясь головами друга.

– Что с нами сделают?

– Какая разница?

Родиона терзала именно эта мысль. Умрет ли он пули, будет ли ему больно и если да, как долго будут продолжаться его страдания. Бакулева съедали схожие чувства. Не смерть приближалась к ним, а они сами двигались ей навстречу.

Перед глазами – припорошенная пылью обувь узбеков. Вот почему так страшно умирать на чужбине, пришли к Бакулеву тоскливые мысли. И только одни они могли убить его, но сначала – свести с ума. Он был готов завывать, но поймал взгляд товарища. Тот тоже был на грани помешательства, но усилием воли держался на этом рубеже. Вот что значит поддержка – еще одна мысль. И от этого губы Сергея разошлись в улыбке. Вместе умирать было легче.

На дворе было холодно. Ртутный столбик термометра с неохотой преодолел нулевую отметку и показывал всего шесть градусов тепла. Русских знобило и по другой причине. А теплолюбивым узбекам, одетым легко, на погоду было, похоже, плевать. «Значит, ехать недолго», – еще раз пронеслось в голове Глушкова. Он только теперь ответил на поддержку товарища, подмигнув ему:

– А говорят, плохих дней не бывает...

Асфальтированная дорога кончалась в ста метрах от дома, и дальше машины начали месить грязь. Это была запасная подъездная дорога к дому Султана Узбека, которую сам хозяин называл объездной, основная же могла составить конкуренцию трассе нукусского аэропорта. По ходу движения грузовик обогнал джип и въехал на территорию заброшенного военного полигона первым. Сопровождающие выпрыгнули из машин, оставляя русских одних. И те снова переглянулись, находя в этом плохой признак. С другой стороны, как показалось Глушкову, их проигнорировали намеренно, а это пахивало показухой. Может, они отработывают перед Султаном, получив определенные инструкции? Как бы то ни было, но в груди русских затеплилась надежда. Не спугнуть бы ее.

Эта часть полигона представляла собой большую бетонированную площадку в обрамлении мотков колючей проволоки, остовов машин и оборудования. Прямо напротив ворот, на расстоянии семидесяти метров, находилось единственное здание: двухэтажное, с высоченной трубой и длинным балконом, утопленным в здание, оно сохранило все стекла и фонари под бетонным козырьком парадного. В целостности и сохранности пребывало и бомбоубежище, некогда приспособленное под склад; там сейчас было пусто.

Глушков и Бакулев приняли сидячее положение, опершись о передний борт, и смотрели, как на полигон въезжают армейские «мерседесы». Откуда они у Султана? Глушков предположил, что с авиабазы Карши-Ханабад, откуда в 2005 году были выдворены американские подразделения (это случилось после того, как Вашингтон осудил расстрел демонстрантов в Андижане). Джипы объезжали бетонный столб, словно исполнявший функции «лежачего полицейского», тогда как «ЗИЛ» проехал по нему, и пленников в кузове трянуло.

Когда из джипа, замыкающего колонну, вылез Султан Узбек, Глушков вслух спросил товарища:

– К чему эта показуха?

– Не знаю.

– Что и кому они докажут, если кончат нас на военной базе?

– Традиция... – туманно отозвался Бакулев. – Можно предупредить человека, проломив ему голову или отрезав палец, но сицилийцы до сих пор по старинке ломают ноги. Султан не сицилиец, но что у него на уме?

– Да...

– Чувствую себя красноармейцем. Как будто перенесся в революционную Россию. Так и тянет сказать: «Товарищи, не поминайте лихом...»

Бакулеву не дали развить его нервную мысль. Подошедший Алимджан постучал по металлическому борту:

– Вылезай. Эй, – он снова постучал. – Хватит прохлаждаться.

Русские опять переглянулись. Первым поднялся и спрыгнул на бетон Бакулев, за ним Глушков. Он и обратился к Султану с вопросом:

– Ботинки снимать?

– Если будет нужно, вы снимете друг с друга шкуру.

Султан обернулся на звук заработавшего двигателя. Огибая здание, на площадку въехал автопогрузчик, на ходу поднимая вилы. Он резко остановился и окутался настигшим его сизым облаком отработанных газов. За рулем сидел смуглый парень, одетый в коричневую кожаную куртку, на руках – такого же цвета перчатки. Он был из тех, кто встречал гостей в нукусском аэропорту. За рулем погрузчика он чувствовал себя буднично.

– Они опаздывают. – Узбек бросил взгляд на часы. – Они обычно приезжают вовремя.

«Кто?» Глушков и Бакулев обменялись взглядами. Кого еще ждет Султан?

Ответа ждать пришлось недолго. Теперь не только Узбек повернул голову на звук работавшего двигателя. Все, включая Алимджана, повернулись к покосившимся воротам, но прежде помощник султана одарил русских взглядом, который расшифровывался легко: «Не завидую я вам». На базу въезжал автобус «КАВЗ». У Глушкова волосы встали дыбом при виде «школьника» на удлиненном шасси: желтого, самого приметного и безопасного цвета на дорогах. Самое жуткое заключалось в том, что он был полон детей; все двадцать два места и проход были заняты, в каждом окне по две-три любопытных головы. Глушков понял, как сходят с ума, когда подумал: «А девочки почему без платков?» Девочки были простоволосые. Но не все. Головы некоторых прикрывали узорчатые тубетейки, в большинстве своем с орнаментом «след змеи», выполняющим роль оберега. Они выходили из автобуса, и Глушков машинально отмечал, во что они были одеты: теплые куртки, больше походившие на укороченные чапаны – стеганые халаты, и зауженные книзу брюки.

Справа от здания показался еще один погрузчик, но другого, ковшового типа. Его ковш, расположенный спереди, был поднят высоко, выше кабины, и водитель смотрел вперед из-под этой механической брови. Погрузчик подъехал и развернулся так резво, что едва не опрокинулся. Водитель привел в действие гидравлику, вываливая на землю камни – все, как один, с острыми гранями. Целую грудку камней. Не верилось, что такое количество могло уместиться в ковше. Погрузчик тем временем развернулся и поехал за новой порцией.

Глушков и Бакулев поняли все, но гнали прочь страшные мысли, отчего все они оказались незаконченными, как обрывки газеты.

Бакулева первым повалили на землю. Двое узбеков держали, насев на него, третий занимался его руками. Срезав стягивающий запястья хомут, он связал их спереди веревкой, подергал ее – узлы держали крепко.

Русских подняли на ноги одновременно. Ни секунды паузы. Они даже не успели обменяться взглядом, как виловый погрузчик оказался в метре от них. Водитель поднял вилы на такую высоту, чтобы облегчить работу товарищам; тем оставалось только удерживать руки пленников над головой. Он подал машину вперед, и когда вилы прошли между руками пленников, он тут же поднял их и изменил угол наклона. Все. Теперь русские не могли сорваться с вил, разве что скользнуть ближе к подъемному механизму с его толстыми цепями. Водитель

тем временем отрегулировал высоту так, что ноги пленников едва касались земли. Они могли только чувствовать ее, и это походило на удушье.

Толпа взрослых расступилась, давая дорогу детям. Их было тридцать четыре. Они подходили со стороны каменной кучи и казались высокоорганизованным существом, не раз выполняющим эту работу. Каждый из детей, возраст которых колебался от двенадцати до четырнадцати лет, брал камень и, выбрав жертву, бросал в нее с расстояния трех-четырёх метров. Потом возвращался за новым снарядом.

Первый же камень, брошенный рослым мальчиком, рассек Глушкову лоб. Кровь потекла по лицу, заливая один глаз. Второй камень попал в плечо. И началось. Частота попаданий нарастала, пока не достигла пика, при котором камни летели каждые две секунды. Ни Глушков, ни Бакулев не видели и не слышали, как вернулся погрузчик и пополнил арсенал. Большие и маленькие, они причиняли разную боль, но с каждым новым попаданием немел новый участок тела, как будто отмирал. Через пятнадцать минут тело не чувствовало боли. Но голова – разрывалась от боли. Она походила на кусок гранита, по которому шли трещины, и с каждым ударом молота они становились все глубже и шире. Через пятнадцать минут погрузчик приподнял их на полметра, поскольку под ногами жертв выросла куча камней.

Глушкову казалось, голову его раздирали на части веревками, вогнав крюки в лоб и затылок, в виски. Даже вверх кто-то тянул. Он кричал что-то нечленораздельное, просто вопил от боли, призывая смерть побыстрее забрать его, проклинал жизнь и поносил Бога последними словами. Его лицо превратилось в бесформенную массу, с которой свисали кровавые лохмотья.

Первым умер Сергей Бакулев. Он всеми силами старался достать ногами земли, чтобы оттолкнуться; но он отталкивал камни, скопившиеся под ногами. А когда умер, тело его обмякло, обвисло настолько, что он стал на полные ступни.

Глушков продержался на десять минут дольше. Он сошел с ума за минуту до того, как душа покинула его тело.

Султан к этому времени съел все конфеты. Бросив пустую коробку под ноги, он отер руки и губы так, как будто все это время лужгал семечки, и сказал Алимджану:

– Заплати детям. Пусть их родители купят им еду и одежду.

Казалось, дети подходили к Алимджану за деньгами в той же очередности, с которой бросали камни.

Глава 2

Москва

Генерал Баскаков открыл сейф, с трудом вынул из него кейс банковского типа – серебристый, с продольными ребрами, похожими на реданы быстроходного катера, вместительный. Еще сегодня можно успеть перевести деньги на счет Эстебана, подумал он. Вызвав бухгалтера – лет сорока пяти сутуловатого мужчину – он отдал ему распоряжение. Тот бросил короткий взгляд на человека, которого знал под именем Виктор Данченков, и быстро вышел из кабинета.

Генеральский кабинет имел округлую форму, словно высеченную в бетоне. Центральное место занимал рабочий стол – с обязательный настольной лампой под зеленоватым абажуром и письменными принадлежностями. Второе, что бросалось в глаза, – это пара окон, этакий стереосвет по обе стороны стола. Массивный сейф находился в углу кабинета: незаметный, облагороженный грабом, он стоял справа от двери. Слева – роскошный глобус. Баскаков обожал раритетные машины и неспешную езду – правда, на грани возможностей машин из своей коллекции. На одной из картин, занявших место на стенах кабинета, был изображен «Хорьх» с двухцилиндровым двигателем и мощностью пять лошадиных сил, первый автомобиль Августа Хорьха.

Не сразу бросался в глаза монитор: его скрывала настольная лампа, и он был расположен так, что смотреть на него можно было только, развернувшись за столом. Это говорило о том, что хозяин кабинета пользовался компьютером от случая к случаю.

Соседний кабинет занимал бухгалтер компании, отличный специалист в своем деле и военный в отставке – впрочем, как и большинство служащих фирмы. Приемная была обставлена таким образом, что как бы объединяла два кабинета. Однако между кабинетом Баскакова и приемной была еще одна комната – Михаила Чашина, человека, которого чаще всего называли референтом генерала. Чашин никогда не составлял доклады для босса, но был его главным консультантом по определенным вопросам.

На Баскакове был пиджак темно-серого цвета и в тон голубоватой рубашке галстук. На мизинце правой руки – неброская печатка с опалом.

Он вышел из-за стола навстречу гостю, которого не видел пять или шесть месяцев. Не изменяя давней привычке, генерал, положив вытянутые руки на его плечи, долго рассматривал вошедшего. Со стороны казалось, Баскаков сейчас крепко прижмет его к груди и расцелует, как Брежнев Хонеккера. Михаил Чашин, проводивший гостя в кабинет шефа, дождался от последнего жеста и вышел, прикрыв за собой дверь. Чашин был вторым и последним человеком в фирме, который знал имя, фамилию, кличку и род занятий этого человека.

– Как тебя называть? – проявил такт Баскаков, другим жестом предлагаю гостю сесть в кресло.

– Как прежде.

Валерий Кознов привычно устроился в кресле, положив руки на мягкие подлокотники. На одном из них уже стоял стакан с виски. Он любил этот шотландский напиток за его «самогонный», мягкий и неповторимый вкус. Единственный напиток, которым он мог запить виски, было само виски; и если закусывать его, то только льдом.

Он припомнил события почти тридцатилетней давности. Подполковник Утяшев, выпивший ему первую «лицензию на убийство», как-то сказал: «Давай-ка придумаем тебе позывной». Недавно в газете «Советский спорт» он увидел снимок пуэрториканского боксера Эстебана де Хесуса (Иисуса), который выступал на профессиональном ринге в легкой и полусредней весовых категориях. На счету Эстебана были победы над знаменитым Рэем Лампкиным, Хулио Мединой. В 1981 году Эстебан застрелил подростка. Внешне Эстебан и Кознов были похожи, только последний был выше и мощнее; особенно их объединяли глубокие темные глаза. «Эсте-

бан?» – переспросил Кознов. Откровенно говоря, ему это прозвище не понравилось. «Какое-то оно китчевое». Разговор этот продолжения не имел. А вот кличка за Козновым закрепилась.

На взгляд Баскакова, Валерий Кознов заматерел. Лицо и руки его загрубели, как если бы он целый сезон провел на море, не сходя с борта своей яхты на берег выполняя обязанности и капитана, и матроса.

Баскаков предложил гостю выпить еще и через пару минут вернулся к нему со стаканом виски в одной руке и фотографией в другой; это была классическая сцена под названием «заказчик и исполнитель». За исключением одного «но»: этих людей связывало четверть века непростых отношений. Они не были особо дружны, но не проходило дня, чтобы не вспоминали друг о друге. Баскаков подал фотографию со словами:

– Знаешь этого человека?

Валерий Кознов мельком глянул на снимок, как будто заранее знал, что увидит именно это лицо, и кивнул, снова встретившись взглядом с генералом:

– Да, знаю.

– Сможешь его убрать?

– Да, – последовал короткий ответ.

– Нас связывали деловые, партнерские, даже дружеские отношения. Я доверял этому человеку долгие годы. Наивно полагал, что идем мы в одной упряжке. Что бы сказал отец этого человека, если бы был жив?..

Кознов пожал плечами:

– Не знаю.

– Теперь он мой враг. Мой личный враг. На нем лежит смерть двух моих людей – Глушкова и Бакулева. Ты должен знать их.

Кознов пожал плечами, взгляд его полусонных глаз говорил: «Может, знаю, а может, нет, какая разница?»

Баскаков взялся одной рукой за сердце, а другой привычно похлопал по карману, где всегда лежали валидол и аэрозольный нитроглицерин. Махнув рукой на лекарства, он прибег к другому средству и тоже испытанному: *любимому* напитку Валерия Кознова. Правда, он на этот счет имел другое мнение: *припился*. Валерий припился к «воде жизни», других вкусов упорно различать не хотел. Но это его дело, его слабая или сильная сторона.

Баскаков выпил тот же сорт виски, что и Кознов – ячменное шотландское, хотя в его коллекции спиртных напитков было несколько наименований, включая ирландское и американское. Как-то раз он на этот счет сказал: «Как-нибудь тебя вычислят по выдержке виски. Она же неизменна, четырнадцать лет, да?» – «Что верно, то верно», – последовал ответ. – Но оно каждый год обновляется».

Сердце отпустило, и, словно в связи с этим Баскаков заговорил о свободе, о последнем и самом продолжительном отпуске.

– С этого дня нас уже ничто не будет связывать. Я тебя никогда не торопил и сейчас не тороплю. Сделай свое дело – о нем я услышу – и не возвращайся. Денег, которые я заплачу, тебе хватит на всю оставшуюся жизнь. Набивай трюм своей яхты едой и выпивкой и выходи в открытое море. Боже, как я тебе завидую!..

Последние слова он произнес с надрывом.

Тот, кто не знал Баскакова, кто впервые слушал его, мог бы сказать, что генерала «пробило на откровения». Но в его словах было много боли и ничего, что можно было бы отнести к беззастенчивому хвастовству. Это был его стиль.

Моей жизни позавидовали бы многие сильные мира сего, кто налево и направо кричал о своих связях, называя громкие и очень громкие имена. Ты знаешь, Валерий, что я был не просто знаком с первым президентом страны. Нас действительно связывали партнерские отношения. Я входил в число тех генералов из Минобороны, которые разрабатывали проекты по

собственным торговым фирмам и ждали только подходящего момента: *«когда появится сильный хозяин из криминального мира и наведет порядок»*. Формальным основанием для появления фирм стали «идеи конверсии и финансирования социальных нужд Вооруженных сил и военной промышленности». Я не стал ждать прихода долгожданного хозяина, я на одном чутье вычислил его...

В 1993 году президент своим указом из нескольких существовавших при госструктурах фирм создает одну – «Росвооружение» – и во главе ее ставит меня. В эту структуру рвутся все, генералы и адмиралы, даже с треском уволенный министр спорта. Это был такой лакомый кусок, что даже от одного его вида гепатитно желтели глаза. Вместе с членами «первой семьи», которые провозгласили себя молодыми реформаторами-политиками-бизнесменами, мы кроили, переделывали «оборонку» по законам пролетариата: каждому по способностям и потребностям. На кой хрен в деревне иномарки и новые дороги? Мы всеми силами старались сохранить на селе и на окраинах городов уникальное деревянное зодчество. Уже тогда мы видели «на много лет вперед»: как будет гореть это зодчество, натурально выплавляя из земли золото. В отличие от нынешнего руководства, мы своих намерений не скрывали.

Баскаков как должное принял тот факт, что его партнеры вознеслись над ним, – чтобы не потерять то, что он уже имел. Он чувствовал их влияние, зачастую давление, но подчинялся законам российского бизнеса. Как генерал, как солдат, он часто вставал на защиту своих покровителей. Об этом и другом он говорил Валерию Кознову, найдя в его лице слушателя. Он словно наговаривал в память этого человека, сыпля громкими именами: Ольга и Олег Ячевские, Султан Узбек. Порой казалось – уговаривал: «Убей! Сделай это для меня». Но он фактически заплатил ему, и Валерий выполнит заказ, что бы ни стояло у него на пути. Просто нужно было знать этого человека, как знал его сам генерал. Но сейчас в нем говорил страх. Сердце снова защемило, и боль отдалась под лопаткой. Новая порция виски и нитроглицериновая взвесь сняли и этот приступ.

– Ты убьешь этого человека? – все же не удержался от повторного вопроса Баскаков.

– Да, – подтвердил, вставая с места, Кознов и первым протянул руку, прощаясь с генералом. Тот скривился, еще на забыв жгучей боли в груди.

– Возможно, это последняя наша встреча.

– Что с того, – сказал Кознов.

Он забрал кейс с деньгами и вышел, даже не обернувшись на пороге. Баскаков слабо улыбнулся: если бы Валерий остановился, обернулся, он бы засомневался в нем, а так... Чем объяснить такие мысли, генерал не знал. Он не думал, что стоит на пороге жизни и смерти – рано, он был уверен, что врачи вытащат его с того света, как и три года тому назад. Тогда он, выписавшись из больницы, бросил курить, но не отказался от спиртного. Желание, еще более жгучее, чем сердечная боль, желание отомстить вытворяло с ним что-то невообразимое. Он засомневался в человеке, которому доверял безгранично. Другие бы не поняли его по той причине, что у них не было такого человека, и генерал мог назвать их глубоко несчастными людьми. А он – хотя бы сейчас – был счастлив.

Они познакомились много лет тому назад при странных обстоятельствах. Подполковник Утяшев, подчиненный генерала Баскакова, выполняющий задания шефа на территории Каракалпакии, задумал «аферу века»: убрать генерала и пробиться в наркотрафике из Каракалпакии на ступень выше. Для этого он завербовал молодого офицера из воинской части, где Утяшев представлял полковую разведку, и офицером этим был двадцатисемилетний Валерий Кознов. Он заплатил ему со словами: «Я дам тебе адрес. Ты убьешь человека, который откроет тебе дверь». Генерал Баскаков должен был приехать в Нукус – столицу Каракалпакии; только подполковник Утяшев и еще несколько человек, включая тогдашнего главу клана Мухаммеда Узбека, знали его постоянный адрес. Ни подполковник Утяшев, ни генерал Баскаков не ведали, что уже долгое время за ними следили оперативники Главного разведывательного управления

Генштаба. И они, в свою очередь, разыграли другую карту: на вокзале в Нукусе к Кознову подошел оперативник ГРУ и представился человеком Утяшева. Кознов был настроен решительно. Но не ожидал, что события развернутся так быстро: оперативник назвал ему время и место: «Сегодня в десять вечера. Запоминай адрес... Клиент будет на месте. Может не пустить тебя в квартиру. Поаккуратней с ним. Помнишь, за что тебе заплатили?» – «Не беспокойся. Я убью любого, кто откроет мне дверь».

Кознов сразу нашел дом клиента. Это был четырехэтажный блочный жилой дом на окраине Нукуса. Он приготовил нож, взяв его обратным хватом и пряча лезвие в рукаве куртки. Нажал на кнопку звонка. Несколько секунд тишины, и дверь открылась.

На пороге стоял подполковник Утяшев. Он схватился за грудь и прохрипел:

– Валера?! Кознов?! Ты?! Что ты здесь делаешь?!

Кознов быстро взял себя в руки. Он понял, что проиграл и кому именно проиграл. Этот вечер был последним в его жизни. Сегодня его убьют. Убьют люди мафии; военные разведчики не станут мараить о него руки: звонок Мухаммеду и – подробно о том, что Валерий Петрович Кознов, 1955 года рождения, уволившийся со службы две недели назад, прибывший сегодня в столицу Каракалпакии на поезде, *убивает* его московского компаньона. Как и где это случится – для него было уже не важно. «Билет в один конец, – простучало у него в голове. – Билет в один конец».

Он подтолкнул подполковника в квартиру и ответил на его вопрос:

– Что я здесь делаю? Выполняю ваше задание.

...Уже не Кознов и еще не Эстебан, он втолкнул Утяшева в квартиру и закрыл за собой дверь. Пришла его пора обрабатывать подполковника и возвратить ему должок. Он не потерял уверенности – разве что вера отступила от него. И вот он вернул ее. И глаза его вспыхнули.

– На кухню. Ну, пошел! – Он снова подтолкнул подполковника.

Тот ожил. Схватил со стола нож и, разворачиваясь, нанес рассекающий удар изнутри наружу, отступая, чувствуя, что Кознов по инерции шагнет следом. Он вложил в этот удар всю силу. Это был его последний шанс. Его уже не заботило равновесие. Нанести смертельную рану, любую серьезную, чтобы только отыграть несколько мгновений.

Кознов успел заблокировать его руку, но при этом порезал свою. Кровь напомнила ему, что он все еще жив. Он оскалился, как раненый волк, и был готов порвать подполковника зубами. Ударил его головой по лицу. Отстранившись, двинул ногой в грудь. Утяшев перелетел через стол. Из ящика на пол посыпались ложки, вилки, ножи. Лежа на полу, подполковник ударил Кознова ногой в колено, одновременно подбивая его в ахилл. Кознов упал. Перекатившись через плечо, поднялся на ноги. Утяшев бросился на него, вооружившись двумя ножами.

Он видел в старшем лейтенанте волка, а взгляд жег: «Щенок!»

Подполковник провел двойку – неудобную для Кознова: сверху вниз и снаружи внутрь, сначала правой, потом левой рукой. И лезвия ножей пронесли в сантиметре от лица Кознова. Он отступил в узкий коридор, где было не развернуться, вынуждая подполковника к прямым ударам. И первые два удара тот нанес на уровне груди, не давая противнику поднырнуть под руку. Потом он разбросал Кознова, целя ему в лицо, живот. Он был разнообразен и непредсказуем. Когда Кознов сделал еще один шаг, отступая, подполковник метнул в него нож. Кознов закрылся руками, а его противник рванул навстречу, припадая на колено. Он метил в пах, делая последнюю ставку на этот удар. Кознов прижался к стене, и острое лезвие распоролу ему штанину. Он дал подполковнику чуть приподняться с колена, и его удар локтем в спину получился на загляденье: на оптимальной высоте и небольшом противоходе, мощно.

Утяшев распластался на полу. Кознов оседлал его и схватил за шею. Хотел было сломать ему позвонки, но передумал. Он должен был сделать то, зачем явился сюда – выполнить приказ этого человека: убить того, кто откроет ему дверь. Кознов поймал кураж.

Он рывком поднял полуживого Утяшева и затащил его на кухню. Припечатав его лицом к стене, прохрипел в ухо:

– Не двигайся. Слышал, что я сказал?

Кознов поднял нож. Обрезал шнур с электроплиты и связал подполковнику руки. Лишил его возможности кричать, заткнув рот кухонным полотенцем. Теперь настала пора и себя привести в порядок.

Рана на руке оказалась глубокой, и кровь пропитала рукав рубашки и подкладку куртки. Сделав жгут из второго полотенца, он перетянул руку выше раны, держа один конец жгута зубами. Машинально потянулся к карману, словно там находилась спецназовская аптечка с дозой промедола. Сумка осталась в прихожей, и Кознов вернулся с ней на кухню.

Подполковник пришел в себя. Он встал с пола и что-то промычал. Кознов напомнил ему правила игры: молчать и не двигаться. У него было мало времени. Они на шумели в коротком поединке, и соседи могли вызвать милицию.

Утяшев снова издал нечленораздельный звук. Кознов не хотел его бить – подполковник умрет через пару минут – и ограничился резкой подсечкой, которая вернула Утяшева в исходное положение. Он перевернулся на спину, подполз к окну и попытался встать. Кознов к этому времени достал из сумки баллон с заринном.

– Знакомая штука? – спросил Валерий, вынимая еще и противогаз. – Я не знаю, кого ты хотел запугать «необычной смертью», кому преподнести урок. Но это урок мне.

С этими словами он надел противогаз, открыл кран и, сдерживая дыхание под резиновой маской, выдернул кляп изо рта Утяшева. Тот закричал. Но это был скорее громкий хрип. Кознову ничего не оставалось, как ударить его баллоном в лицо. Он выбил Утяшеву зубы. И в эту кровотокающую пасть сунул головку шипящего баллона. Подполковник вдохнул в себя десятки смертельных доз зарина. Он посинел как новорожденный, обмотанный пуповиной. Глаза его вылезали из орбит. Кознов намертво приковал к нему свой взгляд. Не замечал, что ядовитая сукровица стекает изо рта подполковника по руке. Он отдернул руку, когда кровавая смесь затекла за рукав.

Кознов оставил Утяшева умирать. Закрыл дверь на кухню и, прежде чем ввалиться в ванную, сдернул с себя противогаз. Он оказался в своеобразной барокамере, где концентрация зарина была ничтожной. Сбросив куртку, Виктор открыл кран и подставил под холодную воду руки. Сорвал жгут, промыл и обеззаразил рану, втирая в нее пену от хозяйственного мыла. Прихватив из аптечки бинт и йод, он оделся. Прижимая к лицу полотенце, вышел из ванной. Открыл дверь и, отнимая от лица полотенце, вздохнул полной грудью.

За ним наверняка пришли люди Мухаммеда Узбека. Он поднялся на последний четвертый этаж. Выругался, в сердцах ударив кулаком по висячему замку, который стал преградой на пути к чердаку.

Сбежав вниз, уже не теша себя надеждой, толкнул подвальную дверь. Закрыто. Потянул на себя. Усмехнулся: «Я чуть было не повернул назад».

Не включая света, он спустился по ступенькам и на ощупь добрался до сквозного прохода и им прошел до четвертого подъезда. Дверь была закрыта. Но замок был реечный, и Кознову оставалось только сдвинуть рейку в сторону.

Он выглянул на улицу. Около первого подъезда собралась толпа в десять-двенадцать человек. Люди переглядывались под тусклым светом фонаря и показывали на кухонное окно квартиры номер один.

Они наблюдали жуткое зрелище: синее, распухшее лицо с громадным черным отверстием вместо рта. Последние жизненные силы подполковник Утяшев потратил на то, чтобы подняться на ноги и уронить голову на широкий подоконник. Он застыл в такой неестественной позе, словно отравленная его кровь схватилась подобно архитектурному бетону.

Кознов завернул за угол. Машинально похлопал себя по карманам. Документы лежали в одном, деньги в другом. Почти три тысячи рублей. *Годовой заработок квалифицированного рабочего.* Или разовое вознаграждение за труд лица свободной профессии. Кознов усмехнулся. Он сделал работу, «оформив заказ». Сейчас единственная задача – унести ноги, выбраться из этой дыры.

«Лучше поздно, чем никогда». «Повинную голову меч не сечет».

Он не мог не думать о том, что заслуживал снисхождения.

Как он доберется до Москвы, Кознов не знал, но приехать в столицу СССР – было вопросом жизни и смерти.

* * *

Генерал Баскаков вздрогнул и потянулся к пистолету. Его остановил голос:

– Я не причиню вам вреда, товарищ генерал.

Товарищ...

От незнакомца, расположившегося в кресле в его гостиной, такое обращение звучало обнадеживающе.

– Садитесь. Я поставил кресло напротив.

«Он поставил кресло напротив», – повторил про себя Баскаков.

Этот человек проник в дом, скорее всего, через окно. Генерал своим ключом открыл дверь и не заметил следов взлома. Ничего подозрительного и в широкой прихожей – когда снимал верхнюю одежду и причесывался перед зеркалом. Сейчас он пожалел о том, что отпустил водителя. Впрочем, сетовать надо было на привычки, устоявшиеся традиции. А привычками правила английская поговорка «Мой дом – моя крепость». Расположенный на окраине городка Апрелевка, название которого произошло от реки Преловка, он был крепостью на протяжении нескольких лет. И вот сегодняшний день перевернул все представления о его надежных стенах. Теперь генералу придется озираться, прислушиваться и принимать, прежде чем войти в дом, и в самом доме.

Приниматься...

От гостя, остающегося в тени, пахло немывыми ногами. Это даже не казарменный дух, а вонь гауптвахты.

Генерал снял галстук и вынул из нагрудного кармана сигареты. Остался неподвижен, когда Кознов вытянул к нему руку и щелкнул зажигалкой. Несколько мгновений Баскаков чувствовал запах бензина. Когда затянулся и выдохнул табачный дым, исчез и запах грязных носков.

– Кто вы? Представьтесь.

– Моя фамилия Кознов. Уволился со службы три недели назад.

– Хотите восстановиться в должности? – не без яда спросил генерал.

– Вряд ли это возможно. Я убил человека. И срок мне не грозит.

– Да уж... Чего вы от меня хотите?

– Не знаю. Вы меня послушайте, а потом решайте.

– Значит, выбор за мной?

– Да.

– Интересно. Давайте я вас послушаю.

Баскаков встал и включил торшер. Сел на свое место и внимательно разглядел гостя: небритого, осунувшегося... как после длительного рейда в тыл врага, сравнил генерал.

– Именно таким я вас и представлял.

Рассказ Валерия Кознова занял полчаса. Он не упустил даже такие детали, которые к делу отношения не имели. Как он рассчитывал на попутчика, а взамен получил попутчицу-казашку. Как они коротали время в полупустом купе: «То она сверху, то я».

Генерал долго молчал. Прикурив очередную сигарету, он спросил:

– Какую помощь вы рассчитывали получить от меня?

Кознов подался вперед. Как мурина из убежища, снова сопоставил Баскаков.

– Знаете, мне было немного жаль подполковника Утяшева. Он многому меня научил. Он сказал мне, когда я уволился со службы: «Живи, как простой смертный, но думай, как разведчик». О вас я ничего не знал. Может быть, вы скрытный, волевой, осторожный. Мой путь к спасению лежал через поиск человека, который стоял над Утяшевым и был его могущественным покровителем. Им мог быть генерал из центрального аппарата военной разведки по фамилии Баскаков. Я пару раз видел вас. А после убийства Утяшева вспоминал детали, которые можно было бы отнести к особым отношениям между вами и Утяшевым, генералом и подполковником. А таковые должны были быть. Сочетание «военно-криминальная мафия» для меня могло стать и приговором, и амнистией. Мой козырь – моя доказанная преданность или доказательства преданности. Мне больше нравится первый вариант.

– Вы действительно мыслите, как разведчик.

– Вы не боитесь меня?

– Я единственный человек, который не боится тебя. Можешь сказать, что ты попал в точку.

– Утяшев работал на вас?

– Смерть от зарина предназначалась мне. Утяшев хотел избавиться от меня, чтобы замкнуть на себе цепочку мафии здесь, в Москве. Я должен был приехать в Каракалпакию, но меня остановило шестое чувство. Оперативники ГРУ подозревали меня в связи с Утяшевым, но я сам планировал контакты с подчиненным. Все начинания Утяшева я пресекал на корню. Я подозревал, что на него вышли военные разведчики, но проверить это не мог.

Пауза. Вопрос:

– Зачем я вам? Чтобы не оказаться на месте Утяшева?

Генерал покачал головой:

– Чтобы однажды проверить смелую версию о том, что в ГРУ знали о моей преступной деятельности, но не захотели выносить сор из избы. Достаточно было наказать начальника разведки полка, чтобы я забыл слово «преступность» раз и навсегда.

Баскаков с содроганием представил себя на месте Утяшева. И сделать это было не так трудно: убийца подполковника сидел напротив. Хотя в это тоже трудно было поверить. Генерал обладал деталями *смерти этого человека*, включая защищающиеся следы на руках, дырку в голове...

– Товарищ генерал.

– Да?

– Обещайте мне одну вещь.

– Говори, я слушаю.

– Мне необходимо выспаться. Я смертельно устал.

– Посиди здесь.

Баскаков принес полотенце, трусы, майку, трико. Он не рискнул дать гостю халат – халата ему было жалко.

– Отдыхай. Завтра расскажешь, как добрался до Москвы. В деталях, понял?

Кознов кивнул: «Да».

Баскаков повторил вопрос. Кознов ответил на гражданско-военном суржики:

– Да, товарищ генерал.

Он вышел. Баскаков остался в гостиной один. Прислушиваясь к плеску набирающейся в ванну воды, представил Кознова сидящим на краешке ванны...

Кознов. У него была нераспространенная фамилия. Генерал знал одного Кознова – Анатолия, летчика испытателя, который работал в конструкторском бюро Сухого и провел больше четырехсот испытательных полетов. Немного позже он спросит у Валерия, не родственники ли они с Анатолием Андреевичем, и получит категорический ответ: «Мы с ним однофамильцы», – уяснив для себя еще одну вещь: *этот* Кознов, по крайней мере, знал о существовании летчика-испытателя, не состоящего с ним в родстве.

Генерал сделал больше, чем мог себе представить Валерий. Он показал гостю его комнату, вынул из шкафа и бросил на кровать теплый плед, пояснив: «Обычно по ночам в этой комнате прохладно. В других тепло, а в этой прохладно. Но спать здесь лучше. И ты будешь спать крепко. Ничего не бойся...»

Кознову тогда показалось, что генерал попробовал назвать его по имени. Только попробовал, но не назвал. Он сел на кровать и ждал, когда хозяин выйдет из комнаты. Он точно знал, что генерал, прежде чем оставить его, скажет ему что-то значимое, с чем он и уснет. Надеялся на это. И не ошибся.

– У тебя нет выбора. Тебе придется последовать совету подполковника: «Живи, как простой смертный, но думай, как разведчик».

– Зачем?

– Чтобы жить. Спокойной ночи.

Глава 3

Нукус

Сердце старого аспида не выдержало. Может быть, ему было отпущено больше, но Султан Узбек постарался сделать все, чтобы сократить его жизнь, и его старания не прошли даром. Он думал о том, что неплохо было бы иметь собственного человека в «доме Баскакова», но по каким-то причинам отказывался от этого шага. И вот неожиданно-негаданно такой человек появился. Лучше поздно, чем никогда? Доля истины в этом была. Этот человек сослужил службу Узбеку только однажды, а потом перестал интересовать его.

Султан принимал его в гостиной, где проводил все больше времени и приходил к неутешительной мысли, что стареет не по дням, а по часам. Хотя в оригинале смысл совсем другой: сказочный богатырь рос не по дням, а по часам. Гостиная находилась на том месте, где некогда располагалась рабочая половина шатра его отца – как бы комично это не звучало. Правда, планировка дома была таковой, что там, где была спальня Мухаммеда, сегодня был туалет.

«Значит, старый аспид загнулся...»

– Он хотел мне что-то передать... перед смертью? – с напускной надеждой в голосе спросил Султан очередного посыльного и даже посмотрел на телефон: не вызвать ли бригаду малолетних палачей?

Своим вопросом он выразил и соболезнование по поводу своевременной кончины генерала Баскакова, и потери работы этим парнем по имени Михаил Чашин. Чашин был молод – лет тридцати с небольшим, в отставку ушел в звании майора, на Баскакова работал три или четыре года.

– Об этом я ничего не знаю, – ответил майор.

– Тогда зачем ты здесь?

– Проездом, – ответил Чашин, смело глядя в глаза Узбеку.

– Что дальше? Слушаю тебя.

– Не знаю, кому это нужно. Кому это нужно теперь, – акцентировал Чашин, – но я выполняю последнее распоряжение генерала.

– Исполнение воли покойного... – Султан выразительно замолчал. – Так в чем же она заключалась?

– Вывезти десять пар русских пенсионеров из Андижана.

– Да, мятежный городишко, – небрежно заметил Узбек. – А зачем Баскакову понадобилось вывозить пенсионеров? Они что, согласились провези в себе наркотики?

Майор на серьезную шутку не отреагировал.

– У них нет средств, чтобы самостоятельно приехать в Россию. Равно как и нет средств обустроиться там, – он указал за спину и буквально пальцем попал в воображаемую Россию. – Время от времени генерал помогал соотечественникам за рубежом.

– Зачем ему это было надо?

– Как военный, он считал это своим долгом.

– Господи... Долг этот называется милостью.

– Но тем, кому генерал помогал, было все равно, как это называется.

– Ты хотел что-то сообщить мне. Скажи «ах да» и продолжай.

– За несколько часов перед смертью у генерала побывал человек по фамилии Данченков.

Виктор Данченков.

Во рту у Султана пересохло, как если бы он увидел воскресшего отца, направившегося в спальню, но вместо этого угодившего в туалет. Борясь с дрожью, он спросил не без надежды:

– Ты знаешь его отчество?

– Да, – с некоторой запинкой подтвердил Чашин.

– Ну?

– Рубенович. *Виктор Рубенович Данченков.*

Это судьба, пронеслось в голове Султана. И зря бежал, а когда и скрывался от нее наяву или во сне.

А дальше прозвучало имя человека, точнее – его кличка, которая была на слуху как у профессионалов, так и у любителей документального чтива вроде «Совершенно секретно»: Эстебан. Красивое, культовое, можно сказать, имя. Оно навевало мысли о полковничьем звании, о белых штанах и широкополой шляпе, расшитой золотом, о кокаиновых плантациях, о рабах, о частных самолетах и крутых бабках. Под этим именем скрывался в воображении либо седой и влиятельный старец, либо черноволосый и не менее влиятельный, полный сил плантатор. На самом деле Эстебан был наемным убийцей; иногда его называли «русский Эстебан». И вот сегодня Султан узнал его настоящее имя, отчество и фамилию. Дело в том, что он знал его – Эстебана, Виктора Рубеновича Данченкова, отцом которого был обрусевший армянин по имени Рубен. Под этими именами скрывался один человек, но Султан видел двух разных людей, рожденных от разных матерей, от разных отцов.

Репутация Эстебана была безупречной в том плане, что он всегда выполнял задания, они же – заказы. Однажды он убил человека по заказу другого, а мог бы и не утруждаться: заказчик на тот момент отдал концы. И Султану пришла в голову мысль: «Работа дураков любит».

Ему станет страшно ночью, а пока он только-только вдыхал пары страха, слышал шаги каменного гостя.

– Ты слышал, о чем говорили Баскаков и Эстебан?

– Да, но только часть беседы. Баскаков сказал: «Я доверял этому человеку долгие годы. Я наивно полагал, что мы делаем одно дело, идем в одной упряжке. Что бы сказал отец этого человека?.. Теперь он мой враг». И добавил: «Мой личный враг. Я не знаю, сколько могу заплатить тебе наличными. Отдам все, что есть в моем сейфе...»

– Повтори еще раз, что Баскаков сказал про моего отца?

Майор послушно повторил:

– «Я наивно полагал, что мы делаем одно дело, идем в одной упряжке. Что бы сказал отец этого человека?.. Теперь он мой враг».

«Отец. Интересно. Действительно интересно знать, что бы ты сказал на это...»

Султан поднял глаза, мысленно обращаясь к отцу. Он как наяву увидел Мухаммеда, которого обнимал, *пачкаясь* в его крови. В глазах Султана было столько любви к отцу, что ее можно было черпать ведрами, как из бездонного источника. Потом идиллию нарушает личный телохранитель отца. Он стреляет в Батыра, не оставляя убийце своего хозяина ни единого шанса...

* * *

Репутация Эстебана понудила Султана подумать о коконе. Хорошо бы свернуться куколкой и проспаться до лучших времен, а там начать новую жизнь бабочкой. Его жизнь висела на волоске и за нее никто не дал бы ломаного тийина. Он вспомнил о зяте – слушателе академии МВД; и если бы кто-нибудь спросил, где его зять, Султан Узбек ответил бы без обиняков: «Слушает». Зять еще не дозрел до того, чтобы что-нибудь сказать. Но время его еще впереди. Другое дело – сват, экс-начальник ГУВД города Москвы. В любом случае просьба «докучливого узбекского свата» энтузиазма ему не прибавит. Наивно или нет, по-восточному или по-азиатски, но Султан в этом деле рассчитывал именно на «душевный подъем в процессе достижения своей цели», различал сквозь этот воодушевленный туман чью-то призрачную фигуру. В конце концов, ему так или иначе придется ставить свата в известность, а за разговором в узком семейном кругу просто обязана родиться идея.

Глава 4

Москва

Алексей Трохименко встречал родственника в своем загородном доме. Дом не смотрелся роскошно – если сравнивать с соседскими дворцами, – он был большой и типовой. Трохименко выехал на крыльцо на инвалидной коляске, поправив наброшенную на плечи кожаную куртку. Его личный водитель, встречавший Узбека в аэропорту, предупредил начальника, когда до дома оставалось пять-шесть километров.

Узбек выдавил улыбку под названием «условно искренняя»: род до ушей, глаза напряжены. Точно такая же улыбка озарила лицо Трохименко. Он тронул рукоятку управления и чуть подкатился к гостю. После этого он заключил родственника в объятия. В доме Султана встретила хозяйка, пятидесятилетняя Алевтина. Визит Узбека носил деловой, даже чрезвычайный характер, поэтому встреча с детьми была запланирована на более поздние сроки, в зависимости от того, как пойдут дела.

Султан действительно искренне улыбнулся, когда сел за стол и не без придирчивости посмотрел на блюда.

– Отлично. Я не вижу здесь плова.

– Не любишь плов?

– Я люблю плов, но только не в гостях.

В гостиной, как и во всем доме, было тепло, а по меркам самого Султана – даже жарко. Он снял пиджак и повесил его на спинку стула. По привычке, оставаясь в одной рубашке, он закатал рукава, открывая на обозрение волосатые руки. Хозяйка составила мужчинам компанию лишь на время короткого тоста, но за стол не присела, выпила рюмку за здоровье того, с которым прожила тридцать лет.

Султан подцепил вилкой кусочек селедки, который впору было назвать долькой: жирный и сочный, полупрозрачный, с колечком лука и крупинками маринада.

– Вот чего мне не хватает там, – он кивнул головой в никуда, – у себя дома. Мог бы завозить селедку танкерами, но что толку? Там у нее другой вкус и цвет. Там ее подают на стол другие руки, согласен?

– Почему ты не сказал эти слова при Алевтине? – Трохименко кивнул на дверь.

– Это не комплимент, – ответил Султан, смакуя во рту очередной кусок селедки.

Они выпили еще по одной. Точнее – Султан только пригубил рюмку. Облизнув губы, он прикурил сигарету и, глубоко затянувшись, положил зажигалку на пачку сигарет и приступил к делу.

– Слышал о генерале Баскакове?

– Слышал о его смерти, – ответил хозяин. – Это не одно и то же?

– Разные вещи, – не принял шутки гость. Он замолчал, пожевывая губами в перерывах между затяжками. Трохименко не оставалось ничего другого, как прямо отвечать на вопрос. И он сделал это, как если бы вспоминал прочитанное когда-то давно досье...

– Бывший военный разведчик. Стоял у истоков создания госкомпании «Росвооружение». Стал первым руководителем этой компании. Дал оружейникам попробовать на вкус денег и оффшора.

Трохименко, рассказывая, не мог представить государственную компанию «Росвооружение» как таковую – в мыслях образ другой, ныне существующей – «Рособоронэкспорт». Что это за организация? Это ключевой институт российской власти и экономики. Если копнуть глубоко, то во времена СССР аналога «Рособоронэкспорта» просто не существовало. В середине 80-х годов годовые поставки экспорта советского оружия составили больше двадцати миллиардов долларов. Экспорт полностью дотировался из госбюджета. Безвозмездные поставки состав-

ляли больше девяносто процентов. Генералы, адмиралы, «криминалы» рассуждали: «Ведь из двадцати миллиардов долларов пропадает минимум пятнадцать». Вооружение дарилось кому ни попадя. В зарубежной прессе даже появилась карикатура на Брежнева. Он в одних трусах бдит с высокой горы, обозревая соседние страны: «Кому бы еще помочь?»

Организация оружейного экспорта стала создаваться в 1993 году и началась с государственной компании «Росвооружение» – как торгового посредника. Но этот посредник пропускал через себя огромные финансовые потоки. Политики и журналисты называли компанию дойной коровой, и за контроль над ней начались ожесточенные битвы. Бились насмерть генералы Минобороны, оружейники, бывшие и действующие чекисты, наконец, администрация президента. Генерал Баскаков, как верно заметил, Трохименко, стал первым руководителем «Росвооружения».

– Его сменил выходец из КГБ, – продолжил Трохименко, пощелкав пальцами, вспоминая его фамилию.

– Вячеслав Сапка, – подсказал Султан.

– Точно. Вспоминаю, что он был подкован в плане экономики, поскольку работал в управлении экономической контрразведки. К тому времени он возглавлял банк «НАСКО-Кредит».

– Надо ли говорить о том, что счета «Росвооружения» были переведены в его банк? – с усмешкой заметил гость.

– Следующий директор «Росвооружения» – замдиректора Службы внешней разведки, – продолжал, незаметно для себя увлекаясь, Трохименко. – Когда с премьерского поста ушел его покровитель, ушел и он. И тогда в кресло «Росвора» (Трохименко вспомнил «сокращенное» название госкорпорации) сел однокурник второго мужа дочери президента России. Сколько же этот продержался на посту? Вроде бы до 2000 года.

Он вспомнил и другое. В то время имена этих людей, занимаемые ими посты, сделки и бешеные деньги были на слуху и он завидовал им. Они насмерть бились не просто за деньги («просто деньги» их уже не устраивали), а за финансовые потоки корпорации. А что государственные экспортеры? Те жили на комиссионные от заключенных контрактов на продажу оружия – это десять, от силы пятнадцать процентов от суммы контракта. Был ли «Рособоронэкспорт» монополистом? Нет. Поскольку на этом рынке работали еще несколько компаний: «Промэкспорт» – продажа вооружений со складов Минобороны, «Российские технологии», которую в 2000 году поглотил «Промэкспорт», и еще несколько производителей, включая «Миг».

«Семья». В то время это теплое слово упоминалось на страницах газет и в узком кругу либо закавыченным, либо с большой буквы, зачастую и так и так. До прихода нового президента Семья почти полностью контролировала оборонно-промышленный комплекс. Так что в середине 90-х годов оборонная промышленность и наука оказались на грани вымирания. Новый глава государства начал выводить оборонку из-под смертельной опеки. Семья выжидала, когда в бюджет пойдут большие деньги от новых контрактов, когда производство наладится. И в один прекрасный момент члены этого клана нанесли удар такой силы, что сдержать его существующей власти не удалось. На одном из подконтрольных Семье предприятий был размещен китайский заказ на эсминец и был создан «Концерн ПВО». Одним словом, атака с моря и воздуха, и по «семейному» сценарию, сравнил генерал Трохименко. Очередная мишень – «Рособоронэкспорт» и его кресла. Сегодня экспорт военной техники – одна из самых прибыльных статей.

– Ты спрашивал про Баскакова, что я слышал о нем. Вспоминаю, он продолжал работать на Семью.

– Верно. Именно такого ответа я и ждал от тебя.

За кадром остались слова: «Ждал, что ты вспомнишь и «сопутствующие» детали».

Пришло время Султану взять слово. Он прикурил вторую за этот вечер сигарету, встал и прошелся по гостиной, разминая порядком затекшие за время перелета, поездки из аэропорта ноги. В столицу он прилетел не самолетом Национальной авиакомпании Узбекистана «Узбекистон хаво йуллари», а на своем собственном – бизнес-класса.

– Когда прошла информация от том, что «Рособоронэкспорт» подготовил контракт на поставку в Аргентину истребителей «МиГ» и практические детали с покупателем были согласованы, в Буэнос-Айресе появился сам бывший глава «Росвооружения».

– Баскаков? – удивился Трохименко.

– Он самый, – подтвердил Султан. – От имени «семейного» «Концерн ПВО» он предложил те же истребители дешевле. Аргентинцы дали согласие, но на следующий день отказались от истребителей вообще. По сути, истребители оказались «контрактными», даже «перспективными», а не «живыми». «Рособоронэкспорт» потерял покупателя и лицо, его репутация надежного партнера была подорвана.

Расчетливый удар Семьи, пронеслось в голове Трохименко. Но он отчего-то эту мысль придержал в себе. Он слушал Султана и реально представлял себе семидесятилетнего генерала Баскакова, давно забывшего слово «стыд», а может, и «честь» тоже. Так вот, в Буэнос-Айресе уши его от стыда горели. Может быть, в то же время в нем зародился страх перед другим кланом.

– На какой сделке ты с ним был завязан? – переспросил Трохименко.

– На партии вертолетов в Алжир. Это сотни миллионов долларов. Собственно, гарантией чистоты сделки стал визит Баскакова в Аргентину. А я тем временем поспешил заверить алжирскую сторону в том, что вертолеты у них уже в кармане и по меньшей, чем предлагает «Рособоронэкспорт», цене. И вот мне звонит Баскаков: «А, Султан-мултан, привет». Спрашивает: «Ты говорил насчет поставок вертолетов?» – «Да, – отвечаю. – И мое слово – это все равно что подпись под контрактом. А что, есть проблемы?» – «Надеюсь, что нет». – «Запомни, если проблемы возникнут у меня, они возникнут и у тебя».

– Ты пригрозил ему?

– А что мне оставалось делать? Я не люблю людей, которые любят есть арбуз, но не любят выковыривать семечки. Я задал еще один вопрос: «Что, партия экспортных самолетов оказалась бракованной?»

– И это был не праздный вопрос?

– Точно. В начале этого года ВВС Алжира приняли решение вернуть России пятнадцать самолетов «МиГ-29СМТ».

– Причина?

– «Наличие бывших в употреблении или низкого качества отдельных узлов и деталей в составе самолетов», – ответил Султан, намеренно напустив в голос официальности. – Соглашение о возврате «МиГов» было подписано. Так что ты должен себе представить, какие трудные переговоры были у меня в Алжире. Я хотел *крупно* подзаработать, – сделал упор Султан. – Почему бы и нет?.. И вот Баскаков меня продинамил. В Алжире я впервые в жизни испытывал даже не стыд, а натуральный срам. А казалось, забыл, что это такое. Знаешь, как будто я был grossmeisterом, а алжирцы, с которыми я вел переговоры, сделав ход, сразу же ставили мне мат и лупили по щекам...

– Тебя и Баскакова связывает давняя история? – спросил Трохименко.

– В каком смысле – история? – насторожился Узбек.

Хозяин пожал плечами и был вынужден пояснить:

– Всех и каждого связывает какая-нибудь история.

– Да, – подтвердил Султан. – И довольно давняя. А если быть «максимально правдивым», как говорят политики, то Баскаков был тесно связан с моим отцом, мне же эта связь перешла по наследству. Он и еще один подполковник из военной разведки были нашими партнерами. Со

своей стороны они оказывали помощь в приобретении оружия, боеприпасов, ну и секретная составляющая.

«Ну как без этого», – в тон родственнику покивал Трохименко.

Он вдруг только сейчас реально осознал вес этого человека с закатанными, как у палача, рукавами. По большому счету, Узбекистан был самой коррумпированной республикой в составе СССР. Тайны убили таких людей, как заместителя Андропова, министра МВД Щелочкова и его жену (точнее, если придерживаться хронологии, – сначала свела счета с жизнью жена министра, а потом и он сам), замминистра МВД Узбекистана, который умудрился трижды выстрелить себе сначала в затылок, потом в челюсть и, наконец, в висок.

Султан не был главой какой-нибудь «дикой» банды. Его клан имел могучие корни и по праву именовался мафиозным. Мало того – проникший и в легальный бизнес, и в политику. Трохименко при встрече с Султаном напрочь забывал об этом, если тот об этом не напоминал. Вот как сейчас – взглядом, словом, даже своим присутствием. Обычно он представлял как очень влиятельный человек, весомая фигура в Каракалпакстане. Может быть, действительно по той причине, что стал неотделим от бизнеса, политики и таким образом как бы легализовал свой клан? Так они, считай, все легализованы.

– Какой помощи ты ждешь от меня, Султан?

– Мне нужен твой совет. Я последую ему, каким бы он ни был, – Узбек покивал, подтверждая свои намерения. – Меня заказали, меня ищут и мне нужен друг.

– Хорошо, – покивал Трохименко, подталкивая Султана к продолжению.

– Баскаков официально принес мне свои извинения.

– За сорванную сделку в Алжире? – уточнил генерал.

– Да. Извинения принесли два его человека. Как говорят у нас, я прислал обратно их головы.

Зубы у экс-генерала милиции заныли и он невольно схватился одной рукой за челюсть, а другой налил в рюмку водки, выпил одним глотком. Узбек продолжил:

– Баскаков сделал ответный ход: двинул уникальную фигуру. Он заказал меня Эстебану.

– Эстебану?!

Официальные данные говорили о том, что на счету этого киллера восемнадцать заказных убийств. Неофициальные источники приписывали ему больше пятидесяти. Порой Эстебан убирал свидетелей, подставных лиц, которых он использовал в своих акциях. Сегодня генерал Трохименко мог выступить в роли разрушителя легенды, которая гласила: Эстебан – это группа наемников, а не один человек, поэтому его никто не поймал. В этой связи он часто вспоминал шпионский фильм про группу генералов, прикрывающих свои дела под именем генерала Вольфа.

– Погоди удивляться, – остановил свата Султан. – Баскаков и Кознов знакомы с 1983 года. Подполковник из ГРУ, о котором я тебе говорил, дал задание молодому тогда офицеру по имени Валерий Кознов убрать генерала Баскакова.

– Значит, настоящая фамилия Эстебана – Кознов? – переспросил Трохименко. – Это ценная информация для нашего управления. Очень ценная. Я обязательно донесу ее до сведения руководства.

– Да, ты можешь ей распоряжаться, – сделал Султан широкий жест.

Хозяин задумался. Рассказ Султана Узбека был долог и требовал времени на анализ. Трохименко подумывал перенести разговор на утро, даже на вечер следующего дня, но такой расклад не устраивал гостя. Об этом можно было не спрашивать.

В молчании прошло десять-пятнадцать минут.

– Ты ждешь моего совета, – покивал Трохименко. – Я дам его. Но прежде послушай, правильно ли я тебя понял. Итак, 1983 год. ГРУ решает наказать одного из своих рядовых, замешанного в преступных связях: дает ему адрес жертвы, но там оказывается его заказчик.

Цель ГРУ – наказать обоих: исполнитель убивает заказчика, а жертва убивает исполнителя. Любопытная схема. Но она оказывается еще более любопытной. Исполнитель убивает и заказчика, и жертву в одном лице. Он настоящий профессионал: молниеносно разбирается в ситуации, разрабатывает план и реализовывает его. Вольно или невольно он играет и на самолюбии мафии: та начала подыгрывать ему. Она сделала все, чтобы отмыться от грязи, которой ее заляпал Кознов: медэсперт поработал над трупом, чтобы тот был опознан, и написал заключение, взяв на себя функции суда: официально признан умершим. Кознов влепил пощечину не только мафии, но и ГРУ. Он переиграл разведку, которая начала против него грязную игру. Да, он провинился тем, что не обратился куда надо после того, как над ним поработал Утяшев, – но ГРУ потеряло лицо, когда не взяло попытку спасти своего рядового. Оно подписало ему смертный приговор. Только Кознов не думал умирать. Он живой свидетель грязных приемов военной разведки, которая в качестве исполнителя использовала преступные элементы – и это внутри СССР.

Султан покачал головой, выражая этим жестом удивление. Четыре года тому назад Трохименко, возглавлявший ГУВД Москвы, попал в серьезную аварию и с той поры передвигался на инвалидной коляске. Султан в этой связи как-то раз посетовал: знал бы, что Трохименко поменяет «Мерседес» на кресло с колесиками, не отдал бы свою дочь за его сына. В какой-то мере он прогадал с браком. Единственное утешение – перспектива: слушатель академии МВД, это гадкий утенок, он в конце концов станет настоящим лебедем. Султан припомнил эти детали, потому что увидел, как физические недостатки генерала реализовались в умственные. Трохименко был краток, но как точно и тонко он упаковал длинный рассказ Султана.

– Итак, совет, – продолжил генерал. – Тебе нужно обратиться в ГРУ.

– В ГРУ?

– Я помогу организовать встречу с полковником из оперативного управления.

– Почему именно в ГРУ?

– Повторюсь: Кознов – их клиент. Там же не знают, что он жив. Не знают, что сотрудники военной разведки не довели в 1983 году операцию до конца. В ГРУ нет срока давности, там корректируют ошибки даже далекого прошлого. Тем более им необходимо навсегда уничтожить связь – пусть даже связь имен, – подчеркнул генерал, – между Козновым и Эстебаном. Эта связь порочит Главное разведывательное управление. Оно располагает большими возможностями и найдет Кознова быстрее, чем он убьет тебя, – обнадежил Султана генерал.

– Спасибо, – ответил Узбек. – Сегодня впервые я усну спокойно. Без снотворного.

Глава 5

Полковник военной разведки оказался молодым человеком лет тридцати двух. Он был одет в коричневую замшевую куртку и клетчатую рубашку, что с широкими брюками смотрелось очень стильно. Это подчеркивало то, что консервативная одежда не выйдет из моды никогда.

На встречу с Султаном Узбеком он прибыл один – так казалось с первого взгляда. Хотя Султан не исключал довольно мощной поддержки оперуполномоченных ГРУ. Он на всякий случай спросил:

- Вы один?
- Мне сказали, у вас работы на одного.
- Кознова имеет в виду? – решил Султан.

Ханкин выразительно промолчал.

Только после этого они поздоровались – за руку. Полковник Ханкин представился только по имени – Алексей. Султан пошел по залу этого уютного ресторана первым и возле столика, накрытого для двоих, жестом пригласил Ханкина занять место.

В этом заведении (ресторан «Наманган»), где к Султану относились как к хозяину, было много света, который днем проникал через многочисленные окна, а вечером проливался из люстр. Овальная форма столиков, ориентированных на двоих, была универсальной: могла как сближать, так и отдалять. В любое время на них стояли бутылки с савиньоном, чуть желтоватый цвет которого отражался на кристально чистых бокалах.

– Я знаю о вашей проблеме, – продолжил разговор полковник, присаживаясь за стол, поделовому взял в руки меню и пробежался глазами по вложенному листку с перечнем блюд и напитков.

– Имели беседу с генералом Трохименко?

– Да, – подтвердил Ханкин, возвращая меню на край стола. – Вы могли бы повторить все то, что говорили генералу накануне?

Узбек выполнил просьбу. И только после этого предложил Ханкину выпить вина. Тот не стал отказываться, на что Султан одобрительно покивал головой.

Он в очередной раз пристально взгляделся в Алексея Ханкина. Несомненно, кого-то он ему напоминал. У него сложилось чувство, что раньше они виделись, но при каких обстоятельствах – этого он вспомнить не мог. Чертова амнезия, выругался Султан, обладавший исключительной памятью. Может быть, подумал он, этот молодой, словно сошедший с рекламы здорового образа жизни, полковник просто напоминает ему кого-то? Улыбка у него стерильная, иначе не скажешь. И прическа – у Ханкина были непослушные волосы, которые он зачесывал назад и время от времени поправлял их рукой.

Вот уже во второй раз за последние двое суток Султан Узбек задавал один и тот же вопрос:

- Так что вы мне посоветуете?
- На ваш счет у меня есть четкие указания начальства.
- На мой взгляд, вы выглядите самостоятельным человеком.

– Будем назвать вещи своими именами, – продолжил Ханкин, лениво оглядывая зал ресторана и мысленно прикидывая, насколько здесьлюдно по вечерам. Сейчас же они были в ресторане одни. У него была особенная манера вести разговор. Он начинал предложение, не глядя на собеседника, а заканчивал взглядом в упор и зачастую сопровождая легкой полуулыбкой. – У нас есть материалы на вашу группировку...

«Группировка – это сильно сказано», – мысленно обиделся Узбек.

– Мы пойдем вам навстречу и решим вашу проблему. Но и вы не должны сидеть на месте.

- Что конкретно я должен сделать? Встать?
- Надо вытащить из бывшей союзной республики одного нашего агента.
- Он что, серьезно застрял?
- Он немного превысил полномочия, и план по его эвакуации полетел к чертям собачьим.

Больше того – на официальном уровне помогать ему вредно.

– Короче, – пришел к выводу Султан, – ваш агент распоясался. Из какой республики его надо вытащить?

Ханкин посмотрел на часы, как на навигатор, и сказал:

– Он сейчас в Грузии.

– Господи боже мой... Пусть в следующий раз он нарушает регламент в Узбекистане – всем нам будет легче.

– У вас в Грузии свой бизнес, правильно?

– Да, – не стал скрывать Султан, – подтравливаю грузинский народ наркотой. – Он посерьезнел и задал наводящий, по его мнению, вопрос: – Этот ваш агент, он разменная монета в нашем деле?

– Как раз наоборот, – ответил полковник, покручивая на скатерти полированную вилку. – Он – единственный человек, который реально может вам помочь.

– Нам, – конкретизировал Султан. – Вы тоже в дерьме по уши. Наша общая проблема датирована 1983 годом, не так ли?

* * *

После встречи с Султаном Узбеком у Алексея Ханкина осталось двойное чувство. Вообще-то ему было плевать на его авторитет. Приказом свыше он был привязан к Султану; по сути дела, стал его тенью, а тень умирает вместе с хозяином. Султан был фигурой. Но она меркла по сравнению с двумя другими. В первую очередь – это Валерий Кознов, в представлении Ханкина – заряженная снайперская винтовка, неотъемлемая часть декорации в спектакле под названием «Убить Султана»; она выстрелит, и в этом не сомневался даже сам Султан. Если анализировать до конца, то вставил патрон и передернул затвор этой винтовки сам глава мафиозного клана, и случилось это в далеком 1983 году, как верно он заметил. Сам он мог назвать этот акт банально, но сурово: судьба.

Другая личность, которая буквально по вчерашний день входила в группу секретных агентов начальника ГРУ, не уступала Кознову. Сергей Марковцев и Валерий Кознов – выходцы из одного подразделения, оба пошли по пути криминала, представляли некую кузницу, которая производила на свет военных преступников. Но если Марковцев, говоря высокопарным языком, смыл грехи кровью, да еще хорошенько прополоскал их в том же растворе, то про Кознова этого сказать было нельзя.

Ханкин прошел на кухню. Он жил в доме дяди. Тот никогда не страдал благородством, про него всегда говорили, что он человек необыкновенной жадности. Классный хирург, он уехал работать за бугор по долгосрочному контракту и разрешил племяннику пожить в его доме, он размышляя, наверное, так: кто как не старший офицер военной разведки (в ту пору Ханкин был в звании майора) сумеет сохранить в целостности и сохранности его движимое и недвижимое имущество? Когда они прощались на пороге, он, поглядывая то на машину, которая должна была умчать его в аэропорт, то на племянника, так и не решился задать вопрос о стерилизации родственника. Он был бы рад узнать, что к его возвращению дом не превратится в ясли. Идеальный вариант – квартирант-кастрат. Алексей сказал ему: «Дядя Миша, вы за меня не переживайте». Тот окосел.

Вообще его дом отличался встроенной мебелью – где надо и где не надо. На кухне, например, все шкафы и шкафчики, стол-тубма, мойка были встроены. Ханкин представил, с чего начинался монтаж: это деревянный каркас по всей стене, ИКЕА по-русски.

Он открыл шкаф с зеркальной задней стенкой, служивший ему баром, и вынул бутылку вина. Тоже белое, как и в ресторане «Наманган», тоже савиньон, но с иным вкусом. Налив в бокал и прихватив бутылку с собой, Ханкин устроился в кресле напротив телевизора, положив ноги на журнальный столик, что всегда, за редким исключением, создавало ему психологический комфорт. Он потягивал напиток, смотрел телевизор, но мысли его были далеки от того, что происходило на экране. Если бы Ханкин выключил телевизор, прибавил света в комнате, то не смог бы сосредоточиться на деле, которое все больше захватывало его. В этом плане его можно было назвать и кабинетным разведчиком, но только в этом плане. В одном из встроенных шкафов хранились две снайперские винтовки, одна из них – дальнего боя, пристреленная лично Ханкиным, а другая просилась называться комплексом, прежде всего за сочетание «оружие-патрон», самая бесшумная на сегодняшний день винтовка. А пока мягкий свет двух торшеров и мерцающий искусственного камина привычно настроили Ханкина на размышления.

Был ли он готов к тому, чтобы поменять условия жизни, уют, все то, что и называется комфортом, на то, что комфортом не называют? Очень глубокая мысль, усмехнулся он. Приказ обсуждению не подлежит.

Глава 6

Султан любил старшую дочь больше, чем младшую. Про последнюю Узбек мог сказать: с ней все ясно, она вышла замуж и останется одна лишь в одном-единственном случае – смерти своего мужа. Ее судьба устроена. А вот Амина... С ней не все так просто. Можно сказать, сложно. Старшая, она была на правах младшей, и этого феномена объяснить не мог даже Султан, ее отец. Но, скорее всего, дело заключалось в том, что Амина была копией матери. Жена Султана – София – «беззаботная, спокойная, чистая» – умерла семь лет тому назад. Сорок дней пришлось на 1 июня 2001 года. Эта дата для Султана не стала значимой, но знаковой, что ли. За тысячи километров от его дома, во дворце, купающемся в облаках, за ужином принц Дипендра расстрелял свою семью. Переодевшись в военную форму, из автоматической винтовки он выпустил по отцу и матери, по братьям и сестре, тетям восемьдесят пуль. Принц в тот вечер напился, но не пьянка стала причиной расстрела королевской семьи, а отказ родителей на его брак с дочерью депутата парламента Непала. Банальная, но распространенная причина множества трагедий.

Султан, к тому времени смирившийся с потерей жены, мысленно вернулся в год 1983 и подумал: если бы в то утро в шатре Мухаммеда, «короля Каракалпакстана», был другие родственники, он бы убил всех. И повторил вслух: «Всех».

Его заинтересовал еще один любопытный факт, а скорее – совпадение. Еще не успели отгреметь выстрелы во дворце, а в отношении капитана Раджива Шахи, который назвал наследного принца Дипендру убийцей, было начато уголовное преследование. «По законам Непала, все, что связано с жизнью двора, является непреложным табу». У Султана Узбека тоже была своя конституция, в его дела не могли вмешиваться ни правительство, ни частные лица. Капитана Шахи он сравнил с телохранителем своего отца – Шарипом. Но, в отличие от непальского офицера, тот предпочел огласке молчание.

...Султан уважал свободы старшей дочери – именно так, во множественном числе. Если случалось им обоим бывать в Москве, он всегда спрашивал разрешения прийти к ней в гости, в крайнем случае – предупреждал о визите телефонным звонком. Он знал, хотя порой и не хотел знать, имена ее любовников и тех, кто назвал себя ее друзьями. Султан честно предупреждал Амину: «Рискованно, очень рискованно становиться друзьями семьи Султана Узбека, нашей семьи».

Об этой деликатности Султана знали даже его деловые партнеры. Как-то раз он, находясь в гостях у генерала Баскакова, позвонил Амине с его телефона и предупредил, что скоро приедет. Султан не видел выражение лица Баскакова, но тому были знакомы схожие чувства. Он тоже нередко (пока не развелся с женой) предупреждал по телефону «что скоро будет», давая возможность прибраться в спальне и привести себя в порядок ей и убраться за пределы пистолетного выстрела – ее любовнику. Он тоже знал его имя, но не хотел видеть траур на лице жены, потому что любил ее.

Эти странности, а может, привычки, были известны Валерию Кознову. Они хранились в виде записей в записной книжке, которая с годами потрепалась, но не потеряла ценности. Когда в ней уже не осталось места, он оставил ее в покое. Теперь все, что было нужно, хранил в своей голове.

Книжка представляла собой одну часть шифра – в ней не было имен, только «сводные данные»; только он один мог подставить имена.

Вот и сегодня Кознов пролистал книжку и остановился на странице, где было написано следующее: «...всегда предупреждает ее о своем визите. Чаще всего – по телефону, реже – через посыльных». Эту информацию ему по его просьбе предоставил генерал Баскаков во время их

последней встречи. Он не спросил, зачем Кознову информация такого рода. Ему было поручено трудное задание, в котором мелочей и лишних деталей не существовало.

* * *

Валерий Кознов поджидал Чащина с нетерпением. Майор позвонил ему на сотовый, как только сошел с трапа самолета. Потягивая виски, Кознов поигрывал памятной медалью, пропуская ее между пальцев: вперед, назад. Этому трюку он научился лет двадцать назад и с тех пор в этом приеме находил успокоение.

Он снял угол в квартире Михаила Чащина на Беговой. Он особо не приучал себя к спартанским условиям, но мог приспособиться к любым. Однажды ему пришлось провести в одном продуваемом всеми ветрами месте больше тридцати часов. Это была оборудованная им снайперская точка. Он поджидал клиента и чувствовал себя... нет, не охотником, а зверем, зная, что рано или поздно жертва появится. Он знал точно место, а время – приблизительно. Тот миг, в который он придавил спусковой крючок винтовки, канул в бесконечности полутора суток ожидания. Но он стоил того – в этом Кознов мог поклясться даже по прошествии многих лет. Даже не так: каждое из мгновений, из которых и сложились долгие часы ожидания, стоили этого. Как и в предыдущих делах, заказчиком выступал генерал Баскаков.

Если у Кознова были свои пристрастия в плане алкогольных напитков, то у Михаила Чащина свои, но в плане курева. Время от времени он, словно работал по совместительству частным сыщиком, выкуривал хорошую, по-настоящему хорошую сигару. Надо сказать, делал он это со вкусом, и признаков игры или подражания не замечал даже Кознов, всю жизнь проживший на измене.

С едва приметной бородкой клинышком, круглолицый, он мог принести неплохой доход какой-нибудь табачной компании, снявшись вместе с непьющим, некурящим, избегающим женского общества мужиком. Он выпускает клуб дыма в его сторону и говорит: «Его доконал здоровый образ жизни».

Вообще складывалось такое впечатление, что Чащину шло все, что он делал: курил, говорил, жестикулировал, пил пиво из горлышка, откусывал от хот-дога.

Вот и сейчас он, натурально прошвырнувшись по залу своей квартиры и найдя ее буквально нетронутой (Кознов действительно не тронул без надобности ни одной вещи, разве что полил цветы на подоконниках), сел в кресло, высоко вздернув штанину, и неторопливо раскурил сигару. Он не смотрел на гостя, он был занят своим любимым делом. Такие люди не могли не вызывать симпатий. Но было заметно, что в это время он расслаблялся и чувствовал себя так, как если бы скинул ненавистный деловой костюм и надел свободные тренировочные брюки и майку. Кознов был готов перенять у него эту свободу...

– Как все прошло? – спросил он.

– Как по маслу, – ответил Чащин.

– Узбек поверил тебе?

Чащин пожал плечами, как бы говоря: «Разве об этом стоит говорить?»

– Узбек не верит никому. Те, кто подводили его, плохо кончили. За примером далеко ходить не надо, – намекнул Михаил Чащин на покойного генерала Баскакова. – Узбек его пальцем не тронул, а где теперь наш шеф?

– Тебе налить выпить? – предложил Кознов.

– Было бы неплохо.

Валерий принес второй стакан и наполнил его на четверть. Чащин опорожнил его в два глотка и облизнул губы, сморщившись при этом. Он не скрывал, что не любил «самогонку», которую сам Кознов обожал.

– Да, ты прав, – продолжил Чащин, затянувшись дымом сигары. – Если бы я заикнулся о вознаграждении, Узбек заподозрил бы меня. А так... – Он снова пожал плечами. – Непонятно, на что я рассчитывал, сообщив ему о том, что его заказали. Он мог заподозрить меня в глупости, недалёковидности, в чем угодно. Провокации так не строятся...

Он мог еще долго говорить, а точнее, напускать тумана, ясности в его речи не было. Валерий Кознов бы посоветовал ему вспомнить их прошлую беседу. Тогда он спросил, сможет ли Чащин сдать его Узбеку. Надо отдать Чащину должное, он и глазом не моргнул: «Почему нет?». И только потом задал встречный вопрос: «Что это даст?». Кознов ответил: «Хочу, чтобы Узбек занервничал и выполз из своей норы».

– Что сказал Султан, прощаясь с тобой?

– Слова из Священного писания. «Благословенны те, кто ничего не ждет, ибо они не разочаруются». Он живет рядом с могилой...

– Адама, я знаю, – перебил Кознов. – Для меня главное – Султан заглотив приманку.

Он помолчал.

– Мне придется съехать. Поживу у другого человека. С тобой мы больше не увидимся.

С этими словами Кознов вынул пистолет со специальным бесшумным патроном с отсечкой газов и направил его на Михаила Чащина. Чуть склонив голову набок, он нажал на спусковой крючок. Чащин уронил голову на грудь, и сигара, выпав у него из рук, прокатилась по полу.

Глава 7

Грузия

...Первым погоню заметил Ясон. Он бросал частый взгляд в панорамное зеркальце.

– Нам сели на хвост.

Сергей Марковцев оглянулся и увидел пару черных как смоль «Ауди»...

Он смотрел в окно и не верил своим глазам. Тогда как шестое чувство подсказывало: все хорошее и плохое в этом деле осталось позади, на летном поле аэродрома...

* * *

...Марковцев смотрел в десятикратную оптику британской винтовки. Первое, на что он обратил внимание, – это трап, который уже успели подать к самолету. Значит, его выводы оказались верны. Посадка на «Боинг» будет осуществляться на дальней, второй по счету, но третьей по наименованию взлетно-посадочной полосе.

По направлению к «Боингу», медленно набирая скорость, поехал автобус, за ним другой. Сергей проводил их взглядом поверх оптики и снова посмотрел в прицел – уже когда из автобуса вышел первый пассажир. Им оказался мужчина лет тридцати. На руках он держал малышку. Следом вышла женщина и тоже с ребенком. Вот она что-то сказала стюардессе, та ответила глубоким кивком и улыбкой.

Ветра не было. Только бортпроводница куталась в синий плащ и зябко поводила плечами; руки она держала в карманах. Но вот она вынула радиостанцию и, выслушав распоряжение, стала проверять билеты. Вторая стюардесса встречала пассажиров на верхней площадке высокоценного трапа и каждому указывала рукой направление.

Марковцев не обделил вниманием ни одного пассажира, хотя сейчас для него было ясно: специальный агент ЦРУ Гвидо Терон и «другие официальные лица» сядут в самолет последними.

Первый автобус был забит местными жителями. Во втором находились американцы. Сергей изучал каждого мужчину, даже если он не подходил под описание Гвидо Терона. Это был своеобразный тренинг. Вот только потренироваться в стрельбе из «супер-магнума» не получится. У него минимум четыре выстрела. Ровно столько патронов с шестнадцатиграммовой пулей вмещал магазин. Плюс еще один магазин, который снайпер выложил на парапет.

Он скосил глаза на стрелка, которого убил минутами раньше. Тот, показалось, Марковцеву, «укоренился» в одной позе. Окоченел. Лужа крови под ним давно загустела.

Американцы сели в самолет. Теперь почти в каждом иллюминаторе была видна голова пассажира. Автобусы вернулись к зданию аэровокзала. Привилегированная группа пассажиров заставляла себя ждать. Так и должно быть. Марковцев не представлял, как тот же Гвидо Терон будет дышать в затылок простому смертному грузину и даже бессмертному американцу. Или ему будут дышать. В таких смешанных ситуациях пауза просто необходима.

А вот и они.

Сергей увидел черный лимузин и микроавтобус марки «Мерседес». Придерживаясь скорости примерно тридцать километров в час, они ехал к «Боингу».

Внимание!

Кто выйдет первым?

Первым вышел официальный представитель ФБР в Грузии Нэд Келли и его спутница – из лимузина. Первыми из микроавтобуса – помощники специального агента ЦРУ: мужчина и женщина. Женщина была одета в переливающуюся на солнце норковую шубу, через плечо

перекинута стильная белая сумочка. Она первой поднялась по трапу. Медленно, как звезда по красной дорожке. И пока она перебирала ногами ступени трапа, из автобуса успели выйти все особо важные персоны.

Она обернулась.

Марковцев не видел этого. Он вел, поймал в прицел, Гвидо Терона.

Агент ЦРУ был в деловом костюме. Куртка с яркой подкладкой перекинута через руку, в другой руке кейс-атташе. Он не стал дожидаться остальных, даже официального представителя ФБР, которого, согласно табели о рангах, ему стоило пропустить вперед.

Угольник прицеливания намертво впился в Терона. Теперь уже никто не мог помешать Марку. Наоборот – ему на помощь пришел аэробус. Он появился неожиданно, идя на посадку, и вой его турбин нарастал с каждым мгновением. Его шасси коснулись бетонки, раздался характерный скрип, турбины перешли на низкий звук. Гвидо Терон, дойдя до середины, обернулся посмотреть...

– Спасибо тебе, господи, – прошептал Марковцев и нажал на спусковой крючок. И сразу же увидел результаты своего выстрела. Терон рухнул на ступени. Его потащило вниз, но он каким-то чудом остался на трапе.

Марковцев никому не дал усомниться, что в Терона стрелял снайпер, а не выстрелил случайно пистолет в штанах американца. Второй выстрел тоже потонул в шуме самолета, но своего достиг. Бегущий по бетонке аэробус лишь на секунду заслонил видимость стрелку – своим килем.

Марк вынул телефон, нажал на горячую клавишу и, поправив наушник гарнитуры, стал дожидаться ответа. Терон ответит – он был уверен в этом. Он по-прежнему не спускал с него глаз. Марк был на виду у остальных снайперов и в полной мере пользовался этим естественным прикрытием.

...Гвидо Терон был один на середине трапа. Люди от него побежали, как от прокаженного. Находясь под прицелом снайпера, он и для них представлял реальную угрозу.

Он не мог двинуться с места. Отдал бы ногу, которая горела огнем, за то, чтобы трап превратился в эскалатор и доставил его к двери «Боинга». А дальше... чьи-нибудь сильные руки обязательно втянут его в салон.

Терон поймал беспомощный взгляд помощника, замершего в конце трапа. Он был отличной мишенью для снайпера – но только мишенью. А жертва одна.

Однажды Терон переживал схожий момент, только сейчас «их поменяли местами»: его жертва держала в руках снайперскую винтовку. Ему возвращали должок. Подвергаясь опасности? Рискуя жизнью? А когда Марковцев не подвергался опасности?

Но его скоро возьмут. Аэродром «Северный» кишит полицейскими и военными. Сейчас снайперские пары превратились в антиснайперские. Они должны его взять до того, как он выстрелит во второй раз. Они безошибочно должны определить снайперскую точку. Это их работа. Это их промах тоже. Как они могли оставить без внимания хотя бы одно место для снайперской позиции? Все такие места должны быть заняты или, по крайней мере, блокированы. Кто их инструкторы? Неужели американцы?

Во рту Гвидо Терона стало суше, чем в пустыне Невада. Он был в шаге от разгадки... Он мысленно представил не самого снайпера, а лучшую позицию в районе аэродрома. Еще бы одно усилие, и он бы представил мертвую пару из госбезопасности Грузии: снайпера и его наблюдателя, первого и второго номера.

Господи, какая адская боль! Все знают, что Терон ранен, но не знают, насколько тяжело. В его правой штанине, набухшей от крови, находилась ампутированная конечность; только ткани мышц и кожа удерживали нижнюю часть ноги. От беспомощности его спасал страх и обезболивающее, вырабатываемое организмом. И глаза. Он боялся смотреть на свою ногу.

Он не сразу сообразил, что звонит телефон. На этот номер ему могли позвонить десятки людей, включая шефа ЦРУ. Но на связь с ним выходил его противник – секретный агент ГРУ Марковцев. Терон неуверенной рукой вынул из кармана телефон и нажал на клавишу.

– Алло?

И услышал смешок:

– А ты быстро соображаешь, американец. Я-то подумал, что тебя придется хлестать свинцом... Тебе всю жизнь светило солнце. Я здесь для того, чтобы над тобой пролил дождь. Ты часто молишься?

«Мне действительно отвечать?» – спросил про себя Терон. И ответил буквально под «свинцовой плеткой»:

– Да.

Терон соврал. Он редко обращался к Богу. Будучи студентом, он выучил одну лишь молитву и только с ней изредка обращался к всевышнему.

«Господи, даруй мне спокойствие, чтобы смириться с тем, чего я не могу изменить, и храбрость, чтобы изменить то, чего я могу, и мудрость, чтобы отличать одно от другого».

– Улетай, – отпустил его Марк. – Несколько часов ты будешь ближе к Богу. Благодарю его за то, что ты жив. И моего напарника. Потому что он тоже жив.

Гвидо не смел нажать на клавишу отбоя, хотя услышал стук упавшей трубки.

Только сейчас его прострелила такая боль, что он только чудом не потерял сознание...

Полицейский снайпер не поверил своим глазам, увидев работу безымянного коллеги. Но в каком месте он оборудовал огневую точку?.. У него сложилось странное чувство, будто он сам стрелял в американца. Его место для выстрела было идеальным. Но еще лучшая позиция у снайперов на «вышке». Уж сколько раз за день он менял положение. Вот и сейчас, оторвав локти от парапета и выпрямляясь, он повернулся лицом к «вышке». Оба стрелка на месте. Номер первый, похоже, сделан из железа – не шелохнулся, номер второй, как и раньше, подает, как сигналит, признаки жизни. Его левая рука... Брови полицейского поползли вверх. Да, точно, в левой руке он держит мобильный телефон. Кому он звонит? Докладывает о ЧП начальству? Слава Богу, у нас разные начальники, подумал полицейский снайпер.

В эфире переполох. В ушах трещат номера – первый, третий, четвертый, двадцатый. Кто-то докладывает «Главному» о «лимузине полномочного представителя ФБР», «Главный» распорядился снова пропустить лимузин на взлетную полосу и не препятствовать выезду американцев. Чем быстрее эвакуируют янки, тем лучше. Им откроют прямую дорогу до Тбилиси, и только в посольстве они почувствуют себя в полной безопасности. Оттуда же прозвучат первые обвинения в адрес грузинского руководства, не сумевшего должным образом обеспечить безопасный вылет граждан США.

Слову «внимание» был отдан приоритет. Оно вернуло полицейского снайпера к его работе. Наверное, он был единственным, кто в это время не засорял эфир.

Он изучал обстановку в единственном месте, которое могло дать ему подсказку. Там сейчас все так, как показывают в учебных лентах, причем – глазами снайпера («вот что он видит в оптический прицел»). *То же самое видел и преступник, снайпер-террорист.* Ну где ты?.. Он заставил десяток людей повалиться ничком там, где они стояли. Одним лишь выстрелом посеял панику. И неудивительно – один снайпер не даст поднять головы целой ротой, сдержит даже батальон.

Группа американцев у трапа самолета застыла, словно режиссер отдал команду «Стоп, мотор!»

Черт, американцу понадобится серьезная помощь. Полицейский видел, в каком состоянии его нога. Снайпер только ранил его, но не торопится добить. Выбирает другую жертву?.. У него винтовка с глушителем, пришел к выводу полицейский. Сейчас же все звуки в округе глушил аэробус, успевший добежать до конца полосы и вырваться к аэровокзалу. Он не мог

точно сказать, был ли вой аэробуса громче во время выстрела... Пожалуй, нет. Сейчас звук турбин нарастал по мере приближения самолета к зданию. Пилотам невдомек, что сейчас творится в аэропорту, пассажиры спокойны, даже счастливы – приземление прошло на «ура». Но это состояние продлится недолго. Ветерок беспокойства пронесется среди пассажиров, когда командир экипажа по радио попросит всех оставаться на своих местах вплоть до дальнейших распоряжений.

Он снова сосредоточил свое внимание на раненом, как будто опекал его. Ему показалось, взгляд американца блуждал по кромке «вышки». Но что он делает, о господи? Достает мобильный телефон, что ли? Он что, скорую помощь решил вызвать или тыкает привычные «девять-один-один»?.. Его можно понять. Ему никто не пришел на помощь. Единственный человек, который мог прекратить его мученья, – это снайпер-террорист. Но спецгент не звонит сам – не тычет пальцем в клавиши – он отвечает на чей-то звонок. Что-то неестественное крылось в этом простом действии. Что? Что вызвало у него беспокойство? И он вдруг покрылся холодным потом. Перед его мысленным взором вырос снайпер на «вышке», в руке он держит мобильный телефон. Кроме визуальной, его и жертву объединила телефонная связь.

Это не снайперы из спецподразделения госбезопасности. И – новое откровение: «А почему нет?» Он слышал о зверствах этого ведомства.

Вот террорист закончил телефонный разговор, *бросил трубку*.

Как ни был подготовлен полицейский, он не ожидал таких действий от противника. Может быть, потому, что не был уверен в этом на все сто процентов; он не хотел ошибиться даже на десятую долю процента. Что означало задеть интересы вездесущей госбезопасности.

И все же он решился перенести палец с предохранительной скобы на спусковой крючок.

...Марковцеву не нужно было ломать голову: он разоблачен. В него целился из винтовки снайпер из полицейского спецподразделения. Сергей мягко придавил спусковой крючок...

Он опустил приклад винтовки на парашют и собрался было уходить, но что-то важное удерживало его на месте. Его удерживал и раненый Гвидо Терон, и его образ, пышущий здоровьем, его ум, его уверенность, хладнокровие и безнаказанность.

Сергей левой рукой поднял телефон, ткнул в кнопку. Взял с парашюта запасной магазин и поставил его на место. Передернул затвор. Приклад винтовки снова привычно ткнулся ему в плечо. В оптике снова появился Терон. Снова один. Он какое-то время записан в прокаженные. Пока разберутся что к чему...

...Гвидо посмотрел на свой мобильный, как на гремучую змею. Она распахнула пасть, но он не смел отстраниться. Он поднес телефон к уху. И уже плохо соображал.

– Алло?

– Не знаю, кто послал тебе эту пулю, – четко выговорил Марк, – но она твоя. – Он выстрелил, и тяжелая пуля разворотила американцу грудную клетку.

Сергей сбросил с себя униформу, прихватив пистолет. Бросил куртку в люк и спустился по лестнице. Передернув затвор, он положил «глок» в карман.

Он четко представлял действия спецслужб. Они перекроют все выходы из аэропорта, невольно оставляя противнику лазейку: выход на летное поле. С которого можно было разве что взлететь.

Сергей вышел на летное поле через служебный выход. Ему повезло в том плане, что он работал на аэродроме двойного базирования. Неразбериха была вызвана тем, что аэропортовское одеяло на себя тянули сразу несколько спецслужб и никто не признавал верховенства одной над другой. В столичном аэропорту ему не дали бы подняться на «вышку».

Едва он ступил на бетонку, ему тут же представилась возможность смешаться с людьми в военной и гражданской одежде...

* * *

...Головной «Ауди» обогнал машину Ясона и пристроился впереди, сбрасывая скорость. Ясону пришлось убрать ногу с педали газа. Обойти «Ауди» ему не дала вторая машина с левого борта.

Марковцев ждал очевидных действий от противника, когда тот заставит машину остановиться. Он и Ясон не могли уйти, обгоняя головную машину справа, по обочине, потому что обочина на этой горной дороге – это пропасть. Головная машина стала набирать обороты. Вторая шла на прежней скорости, пока не получила возможность пристроиться беглецу в хвост. Сам по себе факт обнадеживающий, за ним просматривался диалог. Если бы Марка и Ясона хотели убить, то сделали бы это легко, расстреляв их через опущенные стекла. И они нашли бы смерть если не от пули, то на острых камнях ущелья.

Из одного аэропорта до другого они доехали за максимально короткий срок. Головной «Ауди» уткнулся мощным бампером прямо в створку ворот, ведущих на летное поле столичного аэропорта. Не успел Марковцев прикурить, как ворота открылись и машины покатали по бетонке.

«Ауди» остановился около ангара, рядом с которым красовался белоснежный самолет бизнес-класса...

И только теперь Марковцев увидел своих сопровождающих и поначалу принял их за китайцев. Он высказал свои мысли вслух, успокаивая Ясона:

– Если бы нас хотели убить, убили бы давно.

Один из них открыл дверцу «Ауди» и, сопровождая свои слова жестами, велел Марковцеву выйти наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.